

Пролог

Начинаю я всегда так: — Я прокурор и действую от имени народа нашего штата. Я собираюсь представить вам доказательства совершенного преступления. Вы должны взвесить эти доказательства и решить, свидетельствуют они о вине подсудимого или нет. Этот человек...

И здесь я показываю пальцем на ответчика.

— Всегда показывай пальцем на ответчика, Расти, — сказал мне Джон Уайт. Это было в тот день, когда я начал работать в прокуратуре. В управлении шерифа у меня сняли отпечатки пальцев, главный судья округа привел меня к присяге, а Джон Уайт привез на первое в моей жизни заседание суда присяжных. Обвинительную речь от имени народа штата произносил Нэд Холш. Пока тот, отчаянно жестикулируя, распространялся о предстоящем деле, Джон Уайт по-отечески нашептывал мне на ухо первый урок. Было десять утра, но его дыхание уже отдавало спиртным.

Джон Уайт, крепко сбитый ирландец с торчащей, как метелка кукурузного початка, шевелюрой, был тогда окружным прокурором. Происходило то заседание двенадцать лет назад, когда я даже и не мечтал о кресле окружного прокурора.

— Если у тебя не хватает мужества показывать на подсудимого пальцем, — шептал Джон Уайт, — у присяжных не хватит мужества вынести ему обвинительный вердикт.

И вот я показываю пальцем в сторону подсудимого:
— Этот человек обвиняется в...

Он отворачивается. Или испуганно моргает. Или застывает как каменное изваяние.

Поначалу я часто задумывался над тем, каково это — сидеть на скамье подсудимых под пристальными испытующими взглядами, подвергаться пламенным обличениям и знать, что теперь тебе недоступны обыкновенные блага человеческой жизни — доверие, уважение, свобода. И свобода теперь — как пальто, оставленное в раздевалке, которое тебе могут не выдать, потому что потерял номерок. И тогда я и сам чувствовал безысходность, отчужденность и страх.

Теперь все иначе. Там, где раньше шевелилось страдание, тяжелым, как груда металла, грузом легли профессиональный долг и служебные обязанности. Такая уж у меня работа. Нет, я не стал бесчувственным, поверьте. Люди всегда расследовали преступления, обвиняли, судили, наказывали. Так было и так будет. Это занятие необходимо как сдерживающий фактор неблагоприятных человеческих поступков. Я служитель единой повсеместно принятой системы, которая отличает правду от неправды, добро от зла.

Я оборачиваюсь к присяжным заседателям:

— Дамы и господа, сегодня на вас возлагается одна из самых серьезных и почетных гражданских обязанностей — вам предстоит сопоставить факты, установить истину. Задача трудная, я знаю. Людям изменяет память, стираются впечатления, гаснут воспоминания. Доказательства часто противоречат друг другу. Вы должны разобрататься в вещах, о которых мало кто знает или не хочется говорить. Дома, на службе вы могли бы отказаться: «Не могу, не хочу, сдаюсь!» Здесь вы не имеете права это сделать. Вы должны принять решение.

Совершено преступление, этого никто не отрицает. Есть жертва или жертвы. Вы не обязаны устанавливать причины преступления — мотивы человеческих поступ-

ков не всегда поддаются объяснению, — но вы обязаны по крайней мере попытаться определить, что же в действительности произошло. Если вы этого не сделаете, мы не узнаем, заслуживает человек наказания или должен быть освобожден. Не узнаем, кто виноват.

Если мы не можем установить истину, разве можно надеяться на правосудие?

ВЕСНА

Глава 1

-Явроде должен был бы сильнее переживать, — говорит Реймонд Хорган.

Я сначала подумал, что он говорит о прощальном слове, которое он должен произнести. Он только что посмотрел свои записи и положил обе карточки в боковой карман своего синего саржевого пиджака. Но, увидев выражение его лица, я понял, что замечание относилось к его собственному положению. Сквозь окно служебного «бьюика» он смотрит на поток машин, густеющий по мере того, как мы приближаемся к Южной стороне. Вид у Реймонда задумчивый, в нем соединяются торжественность, мужественность и легкая печаль — подходящая натура для изображения на предвыборном плакате. Ну и, конечно, долготерпение и стойкость, присущие нашему городу, и особенно этому району с потемневшими кирпичными строениями, крытыми толем.

Среди сослуживцев Реймонда бытует мнение, что босс сильно сдал. Около полутора лет назад он разошелся с Анной, на которой был женат три десятилетия. Уже год назад держали пари, что он не осмелится или просто не захочет баллотироваться на должность еще раз, объявит об этом за четыре месяца до выборов. Однако вот баллотируется. Некоторые объясняют это желанием быть во власти, жить на публике. Я же считаю, что главная причина — неприкрытая вражда между Реймондом и его

главным оппонентом Нико делла Гуарди, который до прошлого года был рядовым прокурором.

Каковы бы ни были его мотивы, кампания оказалась трудной. Пока оставались деньги, были задействованы некоторые учреждения и привлечены специалисты по средствам массовой коммуникации. Трое молодых людей непонятного пола занимались рекламой и следили за тем, чтобы портрет Реймонда красовался на автобусах всех четырех маршрутов города. Он улыбается на них обольстительно-чужаковато. Но по моему мнению, на фотографии Реймонд выглядит глупо — еще один знак того, что он отстает от жизни. Видимо, он имел в виду именно это, когда сказал, что должен был бы сильнее переживать. Понимает, что теряет влияние на ход событий.

Реймонд тем временем заговаривает о гибели Кэрролайн Полимус трое суток назад, первого апреля.

— Как будто я не понимаю. С одной стороны, Нико распускает слух, будто я ее и пришил. С другой — каждый осел с журналистским удостоверением желает знать, когда мы найдем убийцу. С третьей — секретарши ревут в сортирах. Тут у кого хочешь ум за разум зайдет. Я знал Кэрролайн, когда она только начинала. Надзирала за осужденными, выпущенными под залог, и прочей подобной публикой. Тогда она еще не окончила юридическое училище. Собственно, я ее и принял на работу в прокуратуру. Хорошая была деваха, сметливая и сексуальная. И юрист что надо. И как подумаешь, что с ней произошло... Какой-то псих вламывается к ней в дом, насилует ее, а потом чем-то тяжелым по голове, господи Иисусе... Такой конец... Как тут не переживать.

— Никто к ней не вламывался, — говорю я.

Мой уверенный тон удивляет даже меня самого. Реймонд, занявшийся было бумагами, поднимает голову и пронзает меня взглядом.

— Откуда ты знаешь?

Я медлю с ответом.

— Ее же нашли связанной и изнасилованной. Я не начинал бы расследование с опроса ее друзей и поклонников — двери не взломаны, окна не разбиты. Здесь требуется предварительная подготовка.

В разговор ввязывается Коди, уже тридцать лет служащий шофером у окружного прокурора. Коди сегодня необыкновенно молчалив, не ударяется в воспоминания о пьяных разборках на городских улицах. В отличие от Реймонда, да и от меня тоже, если уж на то пошло, он пребывает в печали. Судя по всему, он провел ночь без сна, и это тоже отразилось на его лице. Мое замечание о состоянии квартиры Кэролайн почему-то выводит его из грустной задумчивости.

— Ни дверь, ни окна не были заперты, — говорит он. — Она так любила. Нет, правду говорят, что эта баба не от мира сего.

— Скорее преступник умным оказался, — гну свое я. — Хотел навести на ложный след.

— Не усложняй, Расти, — возражает Реймонд. — Наверняка это дело рук какого-нибудь свихнувшегося бродяги. Тут Шерлоки Холмсы не нужны. Сыщики в таких вещах не хуже тебя разбираются. Вот и ловите преступника, чтобы спасти мою драгоценную шкуру. — Он многозначительно улыбается, давая понять, что у него и без меня забот хватает. Мы оба хорошо понимаем, что нам грозит, если не поймем убийцу Кэролайн.

В своих публичных заявлениях по поводу ее смерти Нико делла Гуарди не церемонился: «Халатность в деле обеспечения законности и общественного порядка, которую вот уже двенадцать лет проявляет окружной прокурор, делает его пособником криминального элемента в городе. Происшедшая трагедия свидетельствует о том, что мистер Хорган не способен обеспечить безопасность даже собственных сотрудников». Нико не объяснил, почему он более десяти лет проработал под началом человека, связанного с уголовным миром. Впрочем, это не входит в задачу политика. К тому же Нико всегда отли-

чался напористостью и наглостью. Уже это сулило ему карьеру на политическом поприще.

И все же мало кто думает, что Нико победит на выборах, которые должны состояться через восемнадцать дней. Более десяти лет Реймонд Хорган завоевывал голоса полутора миллионов избирателей округа Киндл. Правда, сейчас ему еще предстоит заручиться поддержкой партии, что объясняется его давними разногласиями с мэром. Однако его ближайшее политическое окружение, куда я, должен признаться, не вхожу, убеждено, что, как только через полторы недели будут опубликованы результаты первого общественного опроса, другие партийные лидеры заставят мэра изменить позицию и Реймонду гарантирован очередной четырехлетний срок. Победа на первичных выборах в однопартийном городе равносильна избранию.

Коди оборачивается и говорит, что скоро час. Реймонд рассеянно кивает, и тот включает сирену. Всего два коротких сигнала, как точки в азбуке Морзе, но легковушки и грузовики берут в сторону, давая дорогу черному «бьюику». У здешних улочек жалкий вид: деревянные дома, покосившиеся крыльца, играющие прямо на тротуарах дети с золотушными личиками. Я рос в трех кварталах отсюда. Мы ютились в двухкомнатной квартире над отцовской пекарней. Ни одного светлого воспоминания о тех днях. Днем мы с мамой помогали отцу — в школу я ходил не каждый день. По вечерам он запирал нас в одной комнате, а сам пил в другой. Я был единственным ребенком у родителей.

Мало что изменилось в этих местах. Здесь по-прежнему обитают сербы, как и мой отец, украинцы, поляки, итальянцы — диаспоры, которые придерживаются старых традиций и мрачно смотрят на жизнь.

У конечной автобусной остановки мы попадаем в пятничный затор. Старая многоместная колымага, урча внутренностями, извергает ядовитые газы, но и на ней предвыборный плакат. Реймонд Хорган смотрит на нас

с двухметровой высоты со скучающим выражением гостя на очередной теледискуссии или рекламщика кошачьих консервов. Но как ни крути, Реймонд Хорган — мое прошлое и мое будущее. Я провел с ним двенадцать лет и все эти годы служил ему верой и правдой. Сейчас я являюсь его заместителем, и его падение означает, что я тоже вылечу с работы.

Однако преданность и преклонение не могут заглушить шепоток недовольства: у внутреннего голоса свои законы. И этот внутренний голос говорит: «Эх ты, дурачина!»

Когда мы свернули на Третью улицу, я увидел, что похороны подняли на ноги все полицейское управление в городе. Половина припаркованных автомобилей — черные с белыми полосами, а по тротуарам парами и по трое прохаживаются легавые. От убийства прокурора до убийства полицейского один шаг. При всех ведомственных разногласиях у Кэролайн было много добрых знакомых в управлении. У хорошего прокурора всегда хорошие отношения с полицией, потому что он ценит ее работу и следит за тем, чтобы в суде она сыграла отведенную ей роль. Кроме того, Кэролайн была красивой энергичной женщиной. Народ знал, как она любила компании.

Ближе к церкви улица запружена автомобилями. Каждые два-три метра мы останавливаемся и ждем, пока из передних машин не вылезут пассажиры. Важные шишки в лимузинах со служебными номерами и газетчики загораживают дорогу, не обращая ни на кого внимания. Народ с радио вообще не признает никаких правил — ни дорожного движения, ни элементарной вежливости. Какой-то микроавтобус с антенной на крыше припарковался у самых дверей церкви. Репортеры шныряют в толпе и суют микрофоны под нос каждому официальному лицу. Можно подумать, что мы на чемпионате по боксу, а не на похоронах.

— Потом, потом, — отмахивается Реймонд, проталкиваясь сквозь толпу журналистской братии, обступившей нас, как только мы вылезли из машины. Он добавляет, что в прощальной речи сделает несколько заявлений, которые потом повторит, выйдя из церкви. На минуту-другую он останавливается поприветствовать Стэнли Розенберга с третьего канала. Именно Стэнли, как обычно, будет дано первое интервью.

Меня подзывает Пол Драй из администрации мэра. Городской голова желает переговорить с Реймондом перед панихидой. Я передаю пожелание Хоргану, тот делает гримасу, совершенно надменную, поскольку Пол прекрасно все видит, и они оба скрываются в полутьме готического собора.

Наш мэр Огастин Болкарро — сущий тиран. Десять лет назад Реймонд, будучи в зените популярности, чуть было не спихнул его с кресла, но проиграл первичные выборы и потом не устал демонстрировать победителю верноподданнические чувства. Но у Болкарро до сих пор болят «старые раны». Теперь, когда у Реймонда появился серьезный противник, Болкарро заявил, что его партийный долг требует не поддерживать ни того ни другого. Он, естественно, радуется, видя, как барахтается Хорган, стараясь выплыть из пучины проблем. Если Реймонд доберется до заветного берега, Оги первым заявит, что он с самого начала знал: победа будет за ним.

Почти все скамьи в церкви уже заняты. Катафалк обложен лилиями и белыми георгинами, в воздухе, несмотря на столпотворение, чувствуется легкий цветочный запах. Я пробираюсь вдоль рядов, кивая и пожимая руки знакомым. Народ собрался важный: видные политики города и округа, большинство судей, светила адвокатуры. Присутствуют также члены левых и феминистских организаций, с которыми иногда сотрудничала Кэролайн. Люди тихо переговариваются. На лицах — выражение печали от утраты.

Я наталкиваюсь на делла Гуарди.

— Нико! — говорю я и пожимаю ему руку. В петлице у него цветок — он завел эту привычку, выдвинув свою кандидатуру на пост окружного прокурора. Он осведомляется о здоровье моей жены и сына, но ответа не ждет, а принимает торжественно-трагический вид.

— Она была просто... — он делает жест рукой, подыскивая слово.

Я вижу, что кандидат сейчас ударится в лирику, и перебиваю его.

— Она была великолепна, — говорю я и сам удивляюсь теплоте чувству, внезапно нахлынувшему из глубины души.

— Вот именно, великолепна. Это ты хорошо сказал. — По лицу Нико пробегают тени. Это означает, что ему в голову пришла дельная мысль. — Реймонд, наверное, носом землю роет, занимаясь этим делом.

— Реймонд Хорган всегда носом землю роет. Ты сам знаешь.

— Вот как? А я-то думал, что у тебя нет политических пристрастий. Начитался речей, написанных для хозяина?

— Во всяком случае, его речи получше твоих, Делягарди.

Нико получил эту кличку во времена нашей прокурорской молодости, когда он, расталкивая всех локтями, полез наверх.

— Деляга... — протянул тогда Джон Уайт, наш окружной, и, помедлив, добавил: — ...рди.

Так оно и пошло: делла Гуарди, Делягарди.

— Надеюсь, ты на меня не сердишься? Я правда верю в то, что говорю. Эффективный надзор за соблюдением законов начинается сверху. А Реймонд сдал — устал, что ли. Ему не хватает страсти и настойчивости.

Я познакомился с Нико двенадцать лет назад, в первый же день моей службы в прокуратуре. Нам отвели один кабинет на двоих. Через одиннадцать лет я стал заместителем окружного, а Нико заведовал отделом по борьбе с убийствами, и я его уволил. Он решил пресле-

довать одного врача, делающего аборт, и обвинил его в убийстве. С точки зрения законности его позиция была более чем шаткой, и я его уволил, но дело всколыхнуло определенные группы населения, на чью поддержку он рассчитывал. Нико тискал статеечки, где освещал свои разногласия с Реймондом, и всегда заботился о том, чтобы его выступления в суде, которые больше смахивали на предвыборные речи, попадали в печать. Реймонд оставил решение о Нико за мной. И вот однажды утром я отправился в магазин спортивных товаров, купил пару самых дешевых кроссовок и оставил их на столе у Нико с запиской: «Прощай. Желаю удачи. Расти».

Нико делла Гуарди словно рожден для предвыборных кампаний. Сейчас ему около сорока, но выглядит он молодо. Человек среднего роста, всегда аккуратно подстрижен и чисто выбрит; заботясь о форме, ест только отварную говядину и овощи. Правда, кожа у него нездоровая, с каким-то зеленоватым оттенком, что особенно подчеркивается рыжеватыми волосами и светлыми глазами. Этот недостаток не фиксируется ни фото-, ни телекамерой, не заметен и в судебном зале, потому Нико считают красивым мужчиной. Одевается он соответственно. Костюмы всегда шьет на заказ, и ему плевать, что на портного уходит половина жалованья.

Но более всего бросается в глаза навязчивая и, разумеется, наигранная откровенность, которую Нико демонстрирует даже здесь, в похоронной тишине, обсуждая с помощником оппонента предвыборную платформу. За двенадцать лет, включая те два года, когда мы сидели в одной комнате, я научился распознавать его способность подавать себя и давить на других с нахальной самоуверенностью. В тот день, когда я его уволил, он прошествовал мимо моего кабинета, сияя, как начищенный четвертак, и бросил на прощание: «Я скоро вернусь».

— Ты меня не агитируй, Делягарди. Я уже обещал Реймонду, что проголосую за него.